

ИВЛИН ВО

И ПОБОЛЬШЕ ФЛАГОВ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В61

Серия «Эксклюзивная классика»

Evelyn Waugh

PUT OUT MORE FLAGS

Перевод с английского *Е.В. Осеневой*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *Е.Д. Ферез*

Печатается с разрешения
The Beneficiaries of The Evelyn Waugh Settlement
and The Laura Waugh Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Во, Ивлин.

В61 И побольше флагов : [роман] / Ивлин Во ;
[пер. с англ. Е. В. Осеневой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 320 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-982748-1

«Золотая молодежь», словно сошедшая со страниц Вудхауса, — легкомысленная, не приспособленная к жизни и удивительно наивная, — на пороге Второй мировой.

Поначалу им кажется, что война — это просто очередное приключение. Новая форма, офицерский чин, теплое место при штабе. А сражения — они... где-то далеко.

Но потом война становится реальностью. И каждый ее встретит по-своему: кто-то — на передовой, а кто-то — в пригородах, с энтузиазмом разрушая местные красоты и сражаясь с воображаемым врагом...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-982748-1

© Evelyn Waugh, 1942
© Перевод. Е.В. Осенева, 2017
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

Рэндольфу Черчиллю

Предисловие

Это единственная книга, написанная мной исключительно для удовольствия. Что, если и не улучшило ее качество, позволяет мне теперь с теплым чувством вспоминать время и счастливые обстоятельства ее создания... Стояло лето 1941 года. В течение двух лет я, находясь в армии, был полностью лишен возможности писать. Но после падения Крита десантно-диверсионные части на Среднем Востоке были расформированы, и офицеры, как и рядовые, возвращались в свои полки. Я очутился на комфортабельном лайнере, трюм которого был набит пленными итальянцами и который шел домой в Соединенное Королевство долгим кружным путем через Кейп-Код — опасность атак со стороны противника заставляла идти курсом на запад. Я возвращался к жене и детям, наслаждаясь комфортом и досугом. Необременительные обязанности мои были малочисленны, в моем распоряжении имелась большая каюта со столом и украшенными армейской символикой письменными принадлежностями. Я писал весь день, с утра до вечера, и за один месяц закончил эту книгу.

В ней ожили и действуют персонажи романов, созданных мной в предыдущее десятилетие. Мне

не терпелось узнать, что с ними случилось за годы, прошедшие с нашего первого знакомства, и я принялся это выяснять без какого-либо предварительного плана, не зная, что с ними случится на следующей странице.

Могу добавить, что личного опыта знакомства с деятельностью Министерства информации я не имел и, рисуя этот шарж, опирался на слухи и сплетни. В первые недели войны, когда я был призван, меня сильно мучили так называемые *evacuees**.

И.В.

Ком-Флори, 1966

* Эвакуированные (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мужу, захмелевшему на прощальном пиру, пристало ударить по струнам, дабы подбодрить дух свой, но если муж сей — воин, то пусть испросит он еще вина и побольше флагов, дабы ознаменована была его воинская доблесть.

*Китайская мудрость,
приводится Лин Ютанем
в книге «Важность жизни»*

Сердце, уязвленное малой обидой, топит печаль в вине, но если обида велика, печаль от нее утолит лишь меч.

*Из изречений Чжан Чао,
приводится Лин Ютанем
в книге «Важность жизни»*

Часть первая

ОСЕНЬ

Глава 1

Всю неделю перед тем, как разразилась Вторая мировая война, в это полное предчувствий, догадок и опасений время, которое лишь в насмешку может именоваться последними мирными днями, и в то воскресное утро, когда все сомнения, наконец, рассеялись, а ложные умозаключения были выправлены и обрели новый вид, мысли трех состоятельных дам в основном и в первую очередь устремлялись к Бэзилу Силу. Тремя упомянутыми дамами были его сестра, его мать и его любовница.

Барбара Сотхил находилась в Мэлфри. Еще недавно о брате она вспоминала лишь от случая к случаю, но в это историческое октябрьское утро, когда она пешком направлялась в деревню, главнейшей из одолевавших ее тревог был он.

Они с Фредди только что прослушали радиобрешение премьер-министра. «Наша борьба, — сказал он, — это борьба со злом», — и выходя из дома, в котором провела почти весь восьмилетний срок своей супружеской жизни, Барбара чувствовала себя так, словно бросили вызов и угрожают лично ей, словно ясное осеннее небо затмили пол-

чища стервятников и тени их уже вторглись на залитые солнцем лужайки.

Было что-то сладостно-женственное в красоте Мэлфри. Если другие порядочные усадьбы хранили девственную скромность или же отличались мужественной внушительностью облика, то Мэлфри ничего не таила от мироздания: построенная более двух столетий назад, в дни побед и горделивой пышности, она вольно раскинулась — легкая, роскошная, откровенно манящая и незащищенная в своей соблазнительности, эдакая Клеопатра среди усадеб. А за морем, как это представлялось Барбаре, злобный завистник-пигмей вылез из-под темной ели и жалким умишком своим додумался, как сровнять с землей ее дом. А ведь это из-за Мэлфри она полюбила своего прозаичного и немного нелепого мужа, из-за Мэлфри в том числе рассталась с Бэзилем и с тем в себе, чему в состоянии особой атрофии чувств — болезни лишь удачных браков — она позволила истощиться и умереть.

Идти в деревню предстояло пешком — полмили по липовой аллее, пешком, потому что, уже садясь в машину, Барбара услышала, как Фредди бросил ей: «Для столь коротких маршрутов сейчас бензина нет».

Фредди был в военной форме, и десятилетней давности брюки ему явно жали. Накануне он явился в местный добровольческий штаб и был на два дня отпущен домой для сбора амуниции, которую за два года, прошедшие со времени его последних лагерных учений, как только не трепали во всевозможных шарадах и на пикниках и которая была теперь

разбросана где ни попадя по всему дому, оказываясь подчас в местах самых невероятных. Особенно много волнений вызвал пистолет. Искать последний Фредди заставлял всех и каждого. Он метался, сокрушенно бормоча: «Все это, конечно, прекрасно, но угодить под трибунал за него не хотелось бы», — до тех пор, пока младшая нянька не отрыла в шкафу для игрушек это грозное оружие. Сейчас Барбара шла к начальнику бойскаутского отряда, смутно припоминая, что бинокль, кажется, одолжила ему.

Липовая аллея вела напрямиком в деревню. Затейливая кованая решетка парковых ворот на каменных рустиковой кладки столбах и два флигеля образовывали одну из сторон зеленого деревенского пятачка. На противоположной стороне располагались церковь, две гостиницы по бокам от нее, приходской дом, магазин и ряд сереньких коттеджей. Поросший травой прямоугольник в центре венчали три толстых каштана. Место это по праву, хотя и не сразу, признано было живописным, а с недавних пор стало, пожалуй, даже излишне привлекать к себе людей — правда, от экскурсантов Бог миловал: благодаря авторитету Фредди у местных властей экскурсионные автобусы здесь не останавливались; рейсовый же автобус на пятачке останавливался трижды в день всю неделю и четырежды по вторникам, когда в соседском городке бывала ярмарка. Для удобства пассажиров Фредди установил в том году под каштанами дубовую скамью.

И именно тут внимание Барбары зацепило необычное зрелище: шесть женщин сидели рядком, не спуская глаз с закрытых дверей «Герба Сотхилов».

Поначалу Барбара была озадачена, но тут же поняла, в чем дело. Это были приезжие из Бирмингема. Пятьдесят семейств прибыли в Мэлфри поздно вечером в пятницу — мучимые жарой и жаждой, раскатынные, сердитые после дня, проведенного в поезде или автобусе, матери с детьми. Барбара отобрала себе пять самых несчастных семейств, остальных же устроила в деревне или распределила по фермам.

На следующий же день старшая горничная, вымуштрованная еще старой миссис Сотхил, объявила, что уходит.

— Не представляю, как мы станем без вас обходиться, — сказала Барбара.

— Это все мои ноги, мадам. Не по силам мне эта работа. Раньше я как-то справлялась, но теперь, когда в доме столько детей...

— Вы должны понимать, что нельзя ожидать легкой жизни в военное время. Надо быть готовыми к жертвам. Это наш боевой вклад.

Но женщина проявила стойкость.

— У меня в Бристолле сестра замужняя, а муж у нее был в запасе. Так сейчас его призвали, и я должна ехать туда, чтобы ей помочь.

Спустя час к Барбаре заявили остальные три служанки. Лица их были суровы.

— Эдит и я с Олив всё обсудили и решили уволиться, чтобы делать аэропланы. Говорят, у Брейкмора набирают для этого девушек.

— Вы скоро убедитесь, что работа эта крайне тяжелая.

— О, работы мы не боимся. Но эти бирмингемки... Во что они превращают дом!

— Им поначалу все у нас непривычно. Надо постараться им помочь. Как только они устроятся, пообвыкнут...

Но, произнося всё это, она понимала, что даром тратит слова.

— Говорят, у Брейкмора требуются девушки, — твердили служанки.

Работавшая на кухне миссис Элфинстоун осталась верна своим хозяевам.

— Но за девочек я отвечать не могу, — сказала она. — Они, кажется, считают, что война — это повод всласть повеселиться.

Да, но всеми этими дополнительными обедами-ужинами занимается не миссис Элфинстоун, подумала Барбара. Лишняя нагрузка падает на плечи ее помощниц.

Бенсон сохранил здравомыслие. Присутствие бирмингемок хлопот ему не доставляло. Джеймс же через неделю-другую отправлялся в армию. Зима нам предстоит нелегкая, думала Барбара.

Притулившиеся на скамье женщины к гостям Барбары не принадлежали. Но на их лицах она прочла то же выражение тревоги и вызова. Движимая более чувством долга, нежели рассудительностью, Барбара приблизилась к группе и осведомилась, удобно ли они устроились. Обратилась она ко всем сразу, и каждая из женщин, постеснявшись ответить, хмуро устремила взгляд в сторону гостиницы. О Господи, мелькнула догадка у Барбары, они, должно быть, думают, какое мне дело...

— Я вон там живу, — сказала она, указывая в сторону ворот. — Я вас размещала.

— А-а, так это вы, — откликнулась одна из мамаш. — Тогда, может, вы скажете, надолго ли мы здесь?

— Вот именно! — поддакнула другая.

— По-моему, об этом пока никто толком не задумывался. Главной заботой было вывезти вас сюда.

— Это противозаконно, — заявила первая мамаша. — Нельзя держать нас здесь насильно.

— Вы же не хотите, чтобы ваши дети погибли под бомбами, не правда ли?

— Мы не хотим оставаться там, где нам не рады.

— Но вам рады, рады!

— Да, рады... Как кишечной колике...

— Вот именно!

Еще несколько минут Барбара продолжала увещевать беженок, пока не почувствовала, что преуспела лишь в том, что ненависть, которой вполне заслуживал Гитлер, теперь перенаправлена на нее. Тогда она продолжила свой путь к скаутскому начальнику, но прежде чем забрать у него бинокль, вынуждена была выслушать рассказ о помещенной к нему в дом школьной учительнице из Бирмингема, которая, видите ли, не желает мыть посуду.

На обратном пути, проходя мимо бирмингемок, она заметила, что те отводят взгляды.

— Надеюсь, что хоть детям вашим тут у нас хорошо, — сказала она, решив, что не станет оскорбляться, находясь на собственной территории.

— Они в школе. Учительница развлекает их играми.

— Если кто-нибудь из вас захочет погулять в парке, милости просим. Он всегда открыт.

— Там, откуда мы, тоже есть парк. С оркестром по воскресеньям.

— Ну, боюсь, что оркестра я вам обещать не могу, но парк наш считается довольно красивым, особенно у озера... Сводите туда детей, если будет охота..

Когда Барбара отошла, главная из мамаш сказала:

— Что это она? Инспекторша какая-то, а ведет себя, ну, прямо, фу-ты ну-ты... В парк приглашает... Словно она тут полная хозяйка!

Вскоре гостиничные бары распахнули двери, и пораженные обитатели деревни стали свидетелями того, как собравшиеся из усадьбы, коттеджей и с фермы мамыши вереницей потянулись к барным стойкам.

Второй завтрак положил конец сомнениям. Едва выйдя из-за стола, Фредди поднялся наверх и переоделся в штатское. «Думаю попросить горничную приготовить мне платье посвободнее», — сказал он своим особым, предназначенным для шуток тоном. За восемь счастливых лет, проведенных в обществе мужа, Барбара научилась распознавать его шутки.

Фредди был плотным, мужественным, рано облысевшим и на вид жизнерадостным; на самом деле это был мизантроп, наделенный острым и изворотливым инстинктом самосохранения, который солидные люди нередко почитают за мудрость. Свойственная ему лень уравновешивалась характером, достаточно тяжелым, чтобы внушать окружающим